

*«Пусть будет слово Ваше мудрым и
нужным»*

Ольга Васильевна Нифонтова, чей сборник перед Вами, нередко говорит, что она себя поэтом не считает. Скромность – похвальная черта. И все-таки мы будем называть Ольгу Васильевну поэтом. «Поэт – это особое состояние души», - заметил кто-то из великих. Какое особое? А такое, когда душа отзывается на все происходящее вокруг, то тихой любовью, то болью, то восторгом. При этом человеку хочется движения своей души запечатлеть в словах, зафиксировать мысли, поделиться ими с другими людьми. Мысли выстраиваются в какой-то особый ряд, предложения приобретают стройность, выразительность, образность. Ритм помогает сохранять изложения. Образы, сравнения дают возможность в обычном увидеть необычное.

Сборник назван «А сердцу хочется любить» и это еще одно доказательство, что автор обладает чувствительной, тонкой поэтической душой. Давайте найдем проявление этого поэтического дара в стихах.

*Я задержалась в зале ожидания
На станции с названием «Одиночество»,
Уходят поезда по расписанию
И мне отсюда так уехать хочется.*

*Я прибыла сюда со станции «Разлука»,
Чтоб сделать пересадку в новенький экспресс,
Но вот такая получилась штука:
Нет поезда до станции «Чудес»...*

Кто из нас не знает, как утомительно ждать поезд, да еще, когда он задерживается на обыкновенной станции? А здесь? Какие образы! Как они помогают раскрыть всю отчаянность положения. Станции «Разлука», «Одиночество», «Чудеса». Или такой образ:

*Как холст приколот к оконной раме,
Кусочек неба. На нем звезда...*

Картина реальная, но вся проникнута поэзией, чувственной лирикой. Или такая строка, точная и пронзительная, не требующая лишних слов, пояснений:

*Выпить море одним поцелуем
Ты позволил мне на берегу...*

Это стихи, выхваченные мной из первой главы книги О. В. Нифонтовой «А сердцу хочется любить». Как вы поняли, первая глава о любви и называется она «Любовь моя, тебя благодарю я».

Любовь присутствует и во второй главе «Люблю уральскую природу». Писать о природе непросто. Все пишут о ней. И как не стать банальным, или слишком прямолинейным, как сказать что-то свое. Если до тебя, кажется, уже все сказано и

подмечено. А вот и нет! Наш автор имеет свой взгляд и на белую зиму, и на золотую осень, и на молодую красавицу весну. Приход осени описан ей в разных стихах по разному:

*Забрызган город суриком и охрой,
Не за горами и осенняя тоска,
Кивает мне береза веткой мокрой,
Напоминая, что грядет пора
Печальных сумерск,
неслышно в тень скользящих...*

Здесь очень свежее сравнение: «Забрызган город суриком и охрой». Здесь особый размер, дающий представление о тихой, грустной прогулке по увядающим аллеям.

Что-то есенинское есть в следующем стихотворении об осени:

*В сумерках, в обнимку с ветром рьяным
Вместе с платьем она стыд свой потеряет,
И, свалившись в сточную канаву,*

Будет плакать об ушедшем мае.

Если в первом стихотворении об осени присутствует размеренный медленный темп, то весна «шагает» быстрой походкой, ритм стиха соответствует этому.

*Весеннее солнце глянуло в оконце,
И запела тут же звонкая капель,
И зима – старуха сникла и пожухла,
И спешит укрыться поскорее в тень.*

Особое место занимает в сборнике глава «Книгу жизни, пролистав на ходу». Это размышления автора о нашей жизни, о людях, живущих рядом, о событиях каждого дня. Это конек Ольги Васильевны - она человек общественный, неравнодушный. Сколько несчастных судеб прошло перед ее взором за время работы в милиции. Скольким она помогла, сколько людей вспоминают о ней с благодарностью. И сегодня болит ее сердце об униженных и оскорбленных, о выброшенных за борт слабых и одиноких.

Дорогие читатели!

Я не оговорила. Для меня, уже далеко не молодого автора, издающего первую в своей жизни книжку, каждый, взявший ее в руки, по-настоящему дорог.

Поэзия, лирика, если только ты не профессиональный поэт – это обычно удел молодых. Но я в поэзию шла долго, через суровую прозу жизни и первые мои печатные строки написаны были скорее по служебной необходимости, чем по велению души.

Хотя души в них вложено немало, ибо невозможно бесстрастно описывать человеческие пороки, отражающиеся, как в зеркале, в изломанных детских судьбах, с которыми, мне, как начальнику инспекции по делам несовершеннолетних, приходилось иметь дело каждый день. Это были публицистические заметки о реальных судьбах и реальных людях. За четверть века службы в органах внутренних дел и 40 лет дружбы с газетой «Камышловские известия» их накопилось немало.

Я искренне благодарна редакции газеты и, в первую очередь, ее главным редакторам З. И. Сысюк и Л. В. Чирковой за поддержку, которую они всегда оказывали мне в моем далеко не всегда безукоризненном творчестве.

В ноябре 1997 года на страницах нашей газеты был опубликован мой первый рассказ «Валька», потом были «Юлькины сказки», «Подснежник отцветает рано», «Когда ушел Шварценеггер» и другие. В 2001 году мой рассказ «Сережкин арбуз» получил первую премию в областном конкурсе «Житейские истории», который проводила редакция Уральского выпуска газеты «Аргументы и факты».

И вот – стихи. Надеюсь, и они найдут своих читателей и почитателей. Низкий поклон Т. М. Ошиваловой, И. А. Балыбердиной, всем сотрудникам нашей дорогой библиотеки и всем членам клуба «Литературный четверг», руководителю и вдохновителю клуба Е. И. Флягиной, без которых эти стихотворные мысли так и остались бы лежать в ящике письменного стола.

О. В. Фифонтова.

*Любовь моя,
Тебя благодарю я*

Былинка солнце полюбила...
Себе на горе, на потеху остальным.
Судачат за спиной: вот - дура!
Насмешила!
Она – и Солнце! «Будто нет других!», -
Сердито говорил Пион лохматый,
От возмущения он утопал в слезах,
И, обдавая ее терпким ароматом,
Смеялся беззастенчиво в глаза.

Ну что она могла ему ответить?
Нет аромата у нее и нет цветов,
Есть только стебелек, что гнул
бродяга-ветер,
Сломать хотел, да все никак не мог.
И вот она, глотая, молча, слезы,
Тянулась к солнцу всем наперекор,
И выросла в прекрасную березу,
Как будто всем насмешникам в укор.

Вот так. Любовь, пускай неразделенная,
Умеет все же чудеса творить,
И малую былинку, но влюбленную,
В красавицу березу превратить.

А сердцу хочется любить
Безумно, откровенно, дерзко.
В огромный мир окно закрыть,
Плотней задернуть занавески:
Ни радио, ни телевизор, ни телефон –
Весь мир оглох! Сегодня получили визу
Лишь нежность, ласка и любовь.

Выпить море одним поцелуем
Ты позволил мне на берегу.
Мне казалось, что рай неминуем,
Что я точно в него попаду.
В мир любви твоей, неги и ласки,
В край прекрасных и сказочных снов...
Оказалось, что это лишь сказка,
Так, дешевый роман про любовь.

Когда уйдешь, прошу, не хлопай дверью,
А за собой ее тихонечко прикрой,
И я тогда без всяких слов поверю,
Что никогда мы не расстанемся с тобой.

И пусть тогда тебя дорога дальняя
Уводит за собой неведомо куда,
И ждать, и верить буду изначально я,
Что возвратишься ты ко мне, сюда.

И что однажды утром, на рассвете,
А может в полдень, иль вечернею порой,
Но занесет тебя попутный ветер,
И ты вернешься, как к себе домой.

Не бойся, я расспрашивать не стану,
Где был ты и что делал без меня,
А просто скатерть белую достану,
Накрою стол и сяду у огня.

И пусть тогда трещат дрова в камине,
И все бывшее превращают в прах,
Вернулся ты ко мне, и мы отныне,
Жить будем вместе, и не спросим о грехах.

Любовь имеет имя и фамилию,
И даже адрес, где она живет,
Есть у нее береговая линия,
Где юная Ассоль, свой алый парус ждет.

У ней всегда летящая походка,
Стан тонкий и с искринкою глаза,
И серебристый смех, и голос звонкий -
Любовь ведь не стареет, никогда.

Да, у любви нет возраста, поверьте,
Ей время и пространство - не страшны,
Ей не страшно забвеньё после смерти,
Поскольку смерти не бывает у любви.

Любовь моя, тебя благодарю я
За все: за счастье бытия,
За радость встреч и сладость поцелуя,
И за улыбку солнечного дня.
За нежность рук, меня ласкавших ночью,
За горечь расставанья поутру,
Благодарю за то, что знаю точно:
Я именем твоим сынишку назову.

Мне ли тешить себя разговорами,
Понапрасну волосы драть?
Окруженная, как заборами,
Пересудами, да разговорами,
Буду век свой одна доживать.

Мое имя в деревне, пожалуй,
Уж не помнит, наверно, никто,
Кто Беспутною, кто Шалавой
Называют уже давно.

Что ж вам, бабы, никак нейдет-то,
Ведь не всех же обидела я,
У одной только темной ночью
Я миленочка увела.

Пред другими же не в чем мне каяться,
Хоть и знаю сама: не раз
Мужиков заставляла маяться
Глубина моих синих глаз.

И они вот, с обиды иль с зависти,
Что окно открывала не им,
По деревне напрасно ославили,
Будто каждый был мною любим.

За себя на народ не в обиде я,
Мне к укорам не привыкать,
Вот сынишку напрасно обидели:
Сын не должен за мать отвечать.

А мне советуют друзья:
«Начни сначала!
Пусть ушла любовь твоя,
Но жизнь осталась!»

Мне говорят, что жизнь спираль:
В конце – начало!
Хоть прошлого, конечно, жаль –
Начни сначала!

«Советы вам легко давать, -
Я отвечаю, -
Но как, скажите, вновь начать,
Спираль - тугая!

Виток к витку ушла в песок,
К воротам рая,
Жизнь серебрит уже висок -
Не забываю!

Предательство забыть нельзя,
И у причала
Разбита в щепки та ладья -
Любовь пропала!

Я задержалась в зале ожидания
На станции с названием «Одиночество»,
Уходят поезда по расписанию,
И мне отсюда так уехать хочется.

Я прибыла сюда со станции «Разлука»,
Чтоб сделать пересадку в новенький экспресс,
Но тут такая получилась штука:
Нет поезда до станции «Чудес».

И я сижу, зажав в руке билеты,
С надеждой голос диктора ловлю,
Быть может, хоть до станции «Рассветы»
Состав мне, наконец-то, подадут.

На окне узор морозный,
Треск камина за спиной,
В моей жизни так не просто
Все, что связано с тобой.

Наши встречи, расставанья,
Писем тонкий ручеек,
Обещанья и признанья,
Словно звук фальшивых нот.

Не сложилась наша песня,
Как-то все у нас не так:
И не врозь, но и не вместе,
Уже много лет подряд...

О, Одиночество! Ваше высочество,
Вы опять снизошли до меня,
Мне поверить никак не хочется,
Что у вас в фаворитах я,
Что опять я свободна, как птица,
И могу хоть куда улететь...

Только вот по ночам не спится
И совсем уж не хочется петь.

Опять весна, опять апрель,
А я хочу вернуться в осень,
В твой листопад, в твою метель,
И в глаз твоих, холодных, просинь.
Хочу почувствовать опять
Замерзших губ твоих касанье,
И, может быть, смогу понять,
Что послужило расставанью.

Опять молчит мой телефон,
И мне звонков твоих не надо!
Ты – наважденье, ты – мой сон,
И пробуждение – отрада!

Пора стряхнуть остатки сна,
Пустых, беспочвенных мечтаний,
Я знаю: жизнь всего одна
Для радости и для страданий.

И все ж, зачем-то Бог нам дал
То и другое, плюс сомненья,
Скорей всего, он просто знал
Цену греховного паденья.

И я ловлю себя на том,
Что мне страданья не хватает,
Пусть зазвонит мой телефон,
Он миг блаженства предвещает.

Опять январская метель
Узоры на окне рисует.
Я застелю тебе постель
И нежно-нежно поцелую,
И крепко обниму, прижмусь
К тебе горячим телом,
И все заботы наши пусть,
Зима заносит снегом белым...

Позови меня в свой апрель,
Дай к весне прикоснуться руками,
Я согрею твою постель,
Я укурю тебя облаками,
А печали и беды твои,
Я по шалому ветру развею,
И застывшие капли зари,
Жемчугами одену на шею.
Я заботы с тобой разделю,
И когда станет меньше их вдвое,
Ты поймешь, как тебя я люблю,
Как хочу я быть рядом с тобою.

Позови меня в свой апрель,
Позови, даже если не хочется,
Все равно, я приду, и поверь,
Прогоню я твое одиночество.

Предчувствую весну, предчувствую любовь,
Предчувствую твое прикосновенье
И сердце, дерзкое, мечтает вновь и вновь
Миг страсти испытать – прекрасное мгновенье,
Когда не важен день и час,
И стихла в сердце боль ошибок прежних -
Весна невольно пробуждает в нас
Желанье жить с любовью и надеждой.

Ты уходишь в молочный рассвет,
На губах моих стынет горечь.
Не могу я сказать тебе: «Нет!»,
Губы сжала мне знойная полночь.

Еще руки теплы и нежны,
А в глазах уже лед расставанья,
Нам обоим теперь не нужны,
Ночью сделанные признанья.

Был прекрасен горячечный сон,
Двух случайностей, двух одиночеств,
Но с восходом развеялся он,
Не сбылось ни одно из пророчеств...

И вернется в мой дом пустота,
От тоски зарыдает метель,
И скрывая остатки греха,
Застелю я устало постель.

И привыкну я жить не любя,
За окном снова петь будет вьюга,
Будто не было в жизни тебя,
Будто мы не любили друг друга.

Прохудились надо мною облака,
Дождь струится с самого утра.
По карнизу мне все кап, да кап,
Будто говорит мне, что не так,
Что совсем неправильно живу,
Зачеркнула прошлым жизнь свою.

С ним, конечно же, согласна я,
Только, как жить в настоящем, без тебя?

Как холст приколот к оконной раме
Кусочек неба. На нем звезда,
И луч, словно нить Ариадны тянет,
Зовет и манит к себе она.
Но притяженье земное сильнее,
И я остаюсь на грешной земле,
Нить Ариадны тоньше, слабее...
Утро! И я улыбаюсь тебе!

Хочу тебе на память подарить
И новый год, и это Рождество,
Бокал хрустальный до краев налить,
И пригубить за это торжество:
Один глоток за радость бытия,
За этот небосвод, зовущий в бесконечность,
Другой за дружбу и любовь, конечно,
Еще за то, что встретила тебя.

Эй, цыганка-сербиянка,
Свои карты не жалеи,
На цветастом полушалке
Ты раскинь их поскорей!
Расскажи о том, что будет
Без утайки, без прикрас,
То, что было, я уж знаю,
Знаю то, что есть сейчас.
Видишь, дальняя дорога
Выпадает нынче мне,
С чем вернусь я из похода:
Со щитом, иль на щите?
А еще хотел бы знать я,
Коль придется умирать,
Моя мать, отец и братья
Долго ль будут горевать?
Будет ли верна зазноба
Брэнной памяти моей,
Ведь клялась любить до гроба,
Но могу ль я верить ей?

Я в твоей жизни давно посторонняя,
Как фантик конфетный, случайно оброненный,
Все еще яркая и даже красивая,
Только ненужная и молчаливая.

Жизнь наша порознь отлично налажена,
И мной, и тобой все решительно сказано,
Откуда ж тогда это чувство обидное,
Будто бы сделано что-то постыдное?

Может мне чувство такой обреченности
Внушили людская молва и условности?

«Я люблю тебя», - мне шепчет ветер,
Шепчет нежным голосом твоим,
Как ты мог уйти и не заметить,
Что остался без меня немым?

«Я люблю тебя», - меня ласкает солнце,
Словно ты руками обнимаешь.
Я же выпила тебя до донца,
Только ты пока не понимаешь.

Я тобой наполнена до краю,
И во мне растет твоя кровинка,
Только ты пока еще не знаешь,
Что твоей я жизни половинка.

Я любовь не ждала
И на встречу я к ней не спешила,
А жила и жила:
По утрам на работу ходила,
Возвращаясь, домой, телевизор включала...
Дни за днями текли, я их не замечала.

Черный кофе с утра,
В полночь – дым сигареты.
В новый день из вчера,
Из зимы – сразу в лето.

Бесконечная осень черной тучей над домом,
В синих сумерках все так привычно, знакомо,
И весна обходила мой дом стороною,
До поры, когда мы повстречались с тобою.

Я не буду тебе говорить,
О печалях своих и заботах,
Ты не бойся ко мне приходить,
Мы с тобой посидим немного.

Посидим, не обнявшись, а так,
Молча, глядя на угли в камине,
Дни, прожитые врозь – не пустяк,
Они сделали нас чужими.

У нас общих не стало бед,
Да и общих радостей тоже...
Может общей памяти след
Нам сердца еще растревожит?

Я – малая точка в пространстве
На орбите твоей души.
В бурной жизни твоей, полной странствий,
Я всегда остаюсь в тени.

Я устала от этой роли,
Что играю уже много лет,
В сердце столько скопилось боли,
Что хватило б на целый век.

Мне бы с этой орбиты сорваться
И себя, наконец, обрести,
Сколько можно в тени оставаться
Крест, чужой, продолжая нести?

На вопрос этот, если честно,
Я ответ уже знаю давно,
Изначально ведь было известно,
Что в запасе мне быть суждено.

Что я буду кружить в отдалении,
Оставаясь все время в тени,
Коль не в силах принять решение
Сердцу, собственному, вопреки.

Я не хочу встречать рассвет,
Когда тебя в нем рядом нет.
Пусть будет солнце и весна,
Но, если я проснусь одна,
Я не хочу встречать рассвет,
Когда тебя в нем рядом нет.

Но, если будешь ты со мной,
Не убоюсь я тьмы ночной.
Пускай навечно скроет мгла
Луну и солнце от меня,
Не убоюсь я тьмы ночной,
Коль буду знать, что ты со мной.

И, если ты в далекий путь
Отправишься когда-нибудь,
Мне будет мил любой рассвет,
Поскольку в нем остался след,
Твоей любви, хоть в дальний путь
Уедешь ты когда-нибудь.

Я с тобой снова школьницей стала,
Будто снова уроки учу,
По ночам поцелуи считаю,
Умножаю их на два, делю...

На рассвете - урок географии,
И купаюсь я в море Любви,
Не найти это море на карте,
И на глобусе не найти.

В полдень будут уроки словесности,
Я стихи сочиняю про нас,
Я не жажду широкой известности,
Мне нужна синева твоих глаз.

Чтобы в той синеве растворяясь,
Быть готовой к закату опять,
По-девичьи, наивно смущаясь,
Биологию повторять.

Я сжигаю мосты –
Этой фразой избитой
Я хочу зачеркнуть
Все, что здесь пережито.
Все забыть, все оставить
И уйти обновленной,
Пусть поплачет душа
Над любовью сожженной.
Я сжигаю мосты,
Ухожу не прощаясь,
В сигаретном дыму
Растворяю печали.

Дождь всю ночь и ветер резкий
Обрывает яблоневый цвет,
Я раздерну шире занавески,
В дом впущу холодный лунный свет.

Он войдет неслышными шагами,
Высветив мне душу всю до дна,
И, прижавшись лбом к холодной раме,
Вдруг пойму я, что совсем одна...

Избы, подпоясавшись заборами,
С тусклыми глазницами окон,
За дорожными пустыми разговорами
Незаметно проплывают за окном.
И вагон, отсчитывая версты,
Чуть качнув на стыках горизонт,
Равнодушно, в общем-то, и просто
Сокращает расстояние времен,
Что от расставания до встречи
Нам прожить отдельно суждено,
Стык за стыком приближает вечер,
Когда стукну я в твое окно.

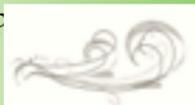
*Люблю
уральскую природу...*

Ах, Пушкин, ты велик, но все же,
Спешу тебе я возразить:
Как не крути, но наше лето
Мне невозможно не любить,
С его характером капризным,
Всегда готовым в горькой тризне,
Слезами небеса омыть,
И солнце тучами закрыть.
Всегда готовым, верь мне, право
Зной полуденный охладить
Ночной осеннею прохладой,
И заморозком пригрозить.

Я знаю, что красот Кавказа
Пейзаж мой скромный не затмит,
Но мне милей, признаюсь сразу,
Родной, уральский колорит.
Люблю черемухи цветенье,
Сирени буйство под окном,
И соловья ночное пенье –

И комар

м!

Мне нипочем и пыль на тракте,
И мошкара, и тучи мух,
Когда в ромашковых объятях
Замрет зазеленевший луг.

Березка опустила ветви долу,
Стыдливо прикрывая наготу.
Нарядные узорчатые полы,
Лишь оттеняют эту красоту.

Закат, как будто ловелас бесстыжий,
Пронзает взглядом, бедную, насквозь,
И в предвкушенье ночи, краской рыжей
Все тело белоствольной занялось.

В тонких пальцах солнечных лучей
Заблудилось нынешнее лето:
Нет почти два месяца дождей
На Урале? Видано ли это?

Раскололась матушка-земля,
Каждой трещиной молит о пощаде,
По-осеннему пожухлая трава
Грезит о дожде, как о награде.

Солнце клонится в расплавленный закат,
Жаркие объятия разжимает,
Земля, как главную из всех наград,
Часы ночной прохлады принимает.

Весеннее солнце глянуло в оконце,
И запела тут же звонкая капель,
И зима – старуха сникла и пожухла,
И спешит укрыться поскорее в тень.

За стеной у дома есть сугроб знакомый,
Кажется, как будто прочный бастион,
Если притаиться, он вполне сгодится,
Чтоб дожить счастливо до своих времен.

Но, как оказалось, злая просчиталась:
Под весенним солнцем рухнул бастион,
Как она не пряталась, не сопротивлялась,
Утекла, косматая, звонким ручейком.

Весна - озорная девчонка
По крышам прошла босиком,
И тут же капелью звонкой
Откликнулся ей каждый дом,
И вслед ей запел водостоками
Шапки снежные набекрень,
И с бурлящими теми потоками,
Улетучилась зимняя лень!

Весна пришла! И небо надо мною
Как будто кто-то краном приподнял,
Раздвинул облака, подкрасил синевою,
Неведомый мне сказочный маляр.

Потом, как знать, из озорства, наверно,
Он рыжей краской брызнул на меня,
И, к моему отчаянию, мгновенно
Веснушками покрылась я сама.

Я чуть не плачу, а Весна смеется:
«Брось огорчаться и слезу утри,
Ведь ты сегодня породнилась с солнцем,
Оно ведь тоже рыжее, смотри!»

И в тот же миг светило показалось,
От восхищенья я зажмурила глаза:
Оно и вправду рыжим оказалось,
А, значит, солнцу я теперь - родня.

За окном опять метель,
За окном снежинки пляшут,
Выстилают мне постель,
Нежно белым шелком машут.
Вот, как шапка Мономаха,
Над трубой нависли хмуро,
И как рваная рубаха,
На черемухе понурой.
Вот убогую березку,
Как невесту нарядили,
Заплели ей зорьку в косу,
В белом вальсе закружили.

Зацепился месяц рожками
За оконный переплет,
Смотрит вниз, где под окошками
Куст сиреневый цветет.
Смотрит пристально, внимательно,
Взгляд не может оторвать,
Будто хочет обязательно
Свое счастье отыскать.

Знает точно от влюбленных он,
Слышал шепот их в ночи,
Что в сиреневых бутонах
Счастье спрятано, ищи
В опьяняющих соцветиях
Тот единственный цветок,
На котором неприметно
Вырос пятый лепесток.

С той поры едва засветятся
Мириады звезд в ночи,
Грустный лик молодого месяца
Над окном моим стоит.
Выгнув спинку, месяц ясный,
Вот уже который год,
Безуспешно и напрасно
Ищет пятый лепесток.

Как часовые вдоль дороги,
Застыли сосны в зимнем сне,
Стоят, величественно строги,
Не шелохнутся, как в броне.

В лучах закатного светила
Стволы их золотом блестят,
Точно доспехи боевые
У витязей, сомкнувших ряд.

Их шапки снежные на кронах
Клочками тут и там лежат,
Они, как вмятины на шлемах,
Былых сражений гордый стяг.

Лето, лето и солнце в зените,
Пряный воздух настоен на травах,
Покажите мне Русь, покажите,
Без болячек на ветках корявых,
Без помоек и мусорных куч,
Что пригрелись у каждой обочины,
Я хочу видеть небо без туч
Над просторами моей родины!

Я хочу мужиков видеть трезвых
И счастливыми видеть их жен,
И чтоб в детстве и в старости, каждый,
Был заботою окружен.
Чтобы рожью поля колосились,
Чтоб осот не колол нам глаза
И чтоб гордое имя «Россия»
Зазвучало у всех на устах.

Лохматый георгин, продрогший ночью,
Мне осторожно постучал в окно,
Как будто убедиться звал воочию,
Что вновь вернулось летнее тепло.

Как будто звал полюбоваться вместе
Хрустальным утром и жемчужною росой,
И празднично-лазурным поднебесьем,
Нечаянно подаренным судьбой.

Еще совсем не тронутый морозцем,
Хоть лист уже пожух и потемнел,
Сегодня он, согретый ярким солнцем,
Как будто снова весь помолодел.

Люблю весеннюю работу,
Когда с лопаты пласт земли,
Приправленный соленым потом,
Мне недра отдает свои.

И я вдыхаю пряный запах
Мной потревоженной земли,
Чуть поодаль на тонких лапках
Подпрыгивают воробьи.

И шмель мохнатый тут же вьется,
Над одуванчиком завис,
И это маленькое солнце
Его магнитом тянет вниз.

Гляжу с невольным умилением,
Как червь торопится во мрак,
Он – символ праха и забвенья,
Забыл сегодня о делах.

Люблю уральские закаты,
Когда светило, не спеша,
Окинув все прощальным взглядом,
Уходит спать за облака,
Порозовевшие на кромках,
В смущении иль просто так
Они, паря над горизонтом,
Спокойный вечер нам сулят.
И легкомысленно порхавший
Среди берез и тополей,
Стихает ветер, чуть уставший
В дневных заботах соловей
В кустах черемухи душистой
Уже выводит ноту «ля»,
И в ореоле золотистом
Встает вечерняя заря.
За нею медленно вплывает
Притихших сумерек пора,
Лишь соловей не умолкает,
Поет до самого утра.

Мороз и солнце! Пушкинские строки,
Но нам от них не деться никуда,
Ведь если на Урале Вы живете,
То это наблюдаете всегда.
У нас даже такая есть примета,
Уж если небо вызвездило в ночь,
То с вечера, совет запомни этот,
Пимы и полушубок приготовь.
Надень и шарф, и рукавицы смело,
Сверкающему солнышку не верь,
Оно ведь тоже шубенки надело
В этот морозный, по-уральски, день.

Люблю уральскую природу
С ее неброской красотой.
Она в любое время года
Меня пленяет. Всей душой
Я принимаю зимний холод,
И летний беспощадный зной,
Осенней лужицы осколок,
Застывший мутною слюдой.
Меня волнует бесконечно
Весною таяние снегов,
Капель, звенящая беспечно,
Журчанье праздных ручейков.
Люблю ленивые рассветы,
Когда короткий зимний день,
Встает к полудню, до обеда,
Лелея утреннюю тень.
Люблю уральские закаты,
Неспешную вечернюю зарю,
Что выкрасила краской рыжеватой
День, опустившийся в ночную синеву.

Я знаю, в мире есть места красивей,
И буйство красок, знаю, там сильней,
Но мне дороже всех – моя Россия,
Родной Урал мне ближе и родней.

Над моим окошком -
Лунная дорожка,
А по обе стороны,
Словно понарошку,
Кто-то взял и высыпал
Звезд полное лукошко.
Те, сверкнув боками,
Раскатились прямо,
Так и укатились бы,
Да удержала рама.
Как сачком поймала их
В оконный переплет,
И со мною вместе
Час рассвета ждет.

Небо зимнее – бархат черный,
Звезды дивные – махровые,
Будто инеем оторочены,
И на бархате приколочены.
Всякий раз, затаив дыхание,
Их таинственное мерцание
Я ловлю восхищенным взглядом,
И хочу оказаться рядом,
Но мечта остается мечтою,
К сожаленью, уже много лет,
Не расстаться мне с грешной землею,
Я всего лишь простой человек.

Невольницей, сбежавшей из гарема,
Березка выглядит на фоне мрачных сосен,
Будто к дороге она выбежала смело,
И тут же была схвачена за косы.

В ветвях ее запутались иголки
Разлапистой сосны, что рядом с нею,
Как руки янычар, отправленных вдогонку
С заданием: вернуть ее скорее.

Ну, а она натянутой струною
Стоит, подрагивая на ветру,
Не надо ей гаремного покоя,
Ей вольный ветер больше по нутру.

Ночь звезды горстями швыряет
В проталины меж облаков,
И властью своей погружает,
Всю землю в объятия снов.
Под властью всеильной царицы
Земля затихает во мгле,
И до рассвета ей снится
Луч солнца на рыжем коне.

Опять весна, опять капель,
И куролесит март-проказник:
То холодом дохнет метель,
То солнце майское подразнит.

Потоки солнечной воды
От крыш, заборов и карнизов,
Сомкнув хрустальные ряды,
Сосульками стекают книзу.

Пронзенный утренней капелью,
Прозрачный воздух так звенит,
Что заряжает всех весельем,
Ведь о любви он говорит.

Осень входит в город осторожно
Дождь холодный, да еще со снегом,
Каждый лучик солнца стал дороже,
Как подарок, посланный нам с неба.

Я сачком его для вас поймаю,
Привяжу к рябине обнаженной,
Чтоб он вам напоминал о мае
И о летнем зное полуденном.

А еще пускай он вам напомнит
О любви той, юношеской, светлой,
Сердце тихой радостью наполнит,
Кисть рябины сломанною веткой.

Обнаженные березы
В ожидании весны,
Кружевами украшают
Небо, цвета синевы.
Ровным строем
Вдоль дороги,
Как солдаты на плацу,
Белоствольные застыли
На подтаявшем снегу.

На одной ноге далеко не уйти, не убежать,
Остается втихомолку только ждать.

Забрызган город суриком и охрой,
Не за горами и осенняя тоска,
Кивает мне береза веткой мокрой,
Напоминая, что грядет пора
Печальных сумерек, неслышно в тень
скользящих,
И бесконечно длящихся ночей,
Ветров холодных, душу ледящих,
Промоченных слезами из дождей.

Я осень не люблю. И даже буйство красок
На ранней стадии меня не веселит:
Я знаю, это лишь одна из масок,
Которой ее голый стыд прикрыт.
Хотя, уж если говорить по правде,
Я осень не люблю за то, что в ней
Я вижу, словно на зеркальной глади,
Напоминая прожитых мной дней.

Курлычут в небе журавли
Тревожно, жалобно, тоскливо,
И, внемля им, в моей груди
Душа свернулась торопливо
И замерла, вся в ожиданье
Грядущих, словно в наказанье,
За летнюю беспечность ей,
Три месяца осенних дней.
С их бесконечными ночами,
Насквозь прошитыми дождями,
С унылым видом из окна
На сад, раздетый догола,
Где гроздь рябины сиротливой
Стучит в окно неторопливо.
Неяркая, при лунном свете,
Напоминает мне о лете.

Серый день стекает по стеклу
Каплями холодного дождя,
Медленно сползает в темноту,
Осторожно листьями шурша.

Осень, заказавшая ноктюрн,
Кажется, сама уже не рада
Слышать звуки заунывных струн
Тихого дождя и листопада.

Потому-то и спешит она
В сумерках укрыться поскорее,
Чтоб никто не видел, как она
О желании сбывшемся жалеет.

Осенний день сегодня улыбнулся
И подарил мне солнечный восход,
Разбуженный котенок потянулся
И стал ловить свой непослушный хвост.

Крутился долго он, мяукая с досады,
Потом, отчаявшись его поймать,
Он выпрыгнул в окно, и за оградой,
С азартом начал листьями играть.

И весь орнамент, что минувшей ночью
Мне осень вышивала под окном,
Взял и сломал пушистый мой комочек,
А сам, мяукнув, убежал за дом.

С журавлиным всхлипом и дождями
Осень входит в город еле слышно,
В переулках темными ночами
Медленно наряд снимает пышный.

В мокрых туфлях на босую ногу
Шлепает по лужам без опаски,
И чего жалеть – то ей, ей-богу,
С каждым днем тускнеют ее краски.

В сумерках, в обнимку с ветром рьяным
Вместе с платьем она стыд свой потеряет,
И, свалившись в сточную канаву,
Будет плакать об ушедшем мае.

*Книгу о жизни
пролистав на ходу*

В комнату с застывшей тишиной
Лунный свет сквозь жалюзи прорвался,
Прозвенел натянутой струной
И, растаяв в воздухе, остался.

Звук умолк, стесненный тишиной,
Лишь призрачно-дрожащий свет разлился,
Заполонил пространство синевой
И в душу мою будто бы вселился.

И озарил там каждый уголок,
И сна лишил, и сердце растревожил,
И все, что было скрыто под замок,
Все высветил и будто приумножил.

Мои обиды, промахи мои –
Все, что уж отболело, угнездилось,
Луной подсвеченное изнутри,
Вдруг ожило и вновь зашевелилось.

Ну почему, подумалось теперь,
Ведь, в сущности,
 вся жизнь прошла счастливо,
Но память черный список из потерь
Бессоннице диктует торопливо.

Предвестник холодов –
 клин журавлиный тает...
Я, молча, в след ему гляжу из-под руки.
Мне улететь бы с ним, но духу не хватает,
Чтоб ноги оторвать от суетной земли.

Не улететь мне вслед за журавлями,
И ты, вожак, меня напрасно не зови,
Земная пуповина тверже стали,
Не одолеть мне притяжение Земли.

Взмах моих слабых рук не то, что пара
крыльев,
Ведь я не птица, я всего лишь человек,
Видать, не суждено вдохнуть мне звездной
пыли
И на земле придется коротать свой век.

В коротенькой юбочке,
На тонких каблуках,
С малиновою челкой
И дерзостью в глазах
Стоит и голосует,
Решимости полна,
И не интересуется
Сейчас ее цена!

Какая уж тут гордость,
Девическая честь,
Когда ей просто хочется,
Как следует, поесть!
Не липких макарон,
Приправленных тоской,
Которые ждут дома
В подвале за пивной.

И сколько ей заплатят,

Не главное теперь,

Пуускай возьмут, прокатят,
Пуускай будет мотель,
А в нем – гуляш, котлета,
Для храбрости – вино,
И с фильтром сигарета,
А там – не все ль равно...

В машине иль в мотеле
На сладкое – постель.
Ее удел отныне:
Обочина, панель...
Стоит и голосует,
Решимости полна,
Ах, девочка, мадонна,
Спаленная душа.

Ветер гонит облака по небу,
Навевает на сердце тоску.
Никогда я дальше дома не был,
Но всегда манило в высоту!

Мне занять бы крылья у Икара,
Только разминулись мы в веках.
Как смириться с тем, что я не пара
Даже птахе, скачущей в кустах?

Что удел мой – буднично и просто,
День за днем, и так из года в год,
Только в мыслях подниматься к звездам
И в мечтах осуществлять полет.